
Д. В. ЛУКЬЯНОВ

**О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(размышления над новым учебником
для вузов «Теория и методология истории» /
отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин,
А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград:
Учитель, 2014. – 504 с.)**

В последние десятилетия в отечественной историографии можно наблюдать все возрастающий интерес к разработкам теоретических и методологических вопросов современной исторической науки¹. Обусловлено это рядом обстоятельств, которые, с одной стороны, носят вненаучный характер развития социального и гуманитарного знания в постсоветский период его существования и связан с изменением общих принципов (господство историко-материалистической научной идеологии) бытования прежних и становления новых институтов и школ. С другой стороны, нельзя не отметить и внутреннюю трансформацию в характере интеллектуальных поисков российских гуманитариев, специфическую открытость к мировому историографическому опыту с конца 1980-х гг. и обретение после сложного «патерналистски-грантового» периода вполне определенной самостоятельности в проработке и апробации соб-

¹ Можно назвать в данном ряду книги отечественных авторов И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, М. Ф. Румянцевой, О. М. Медушевской, Л. П. Репиной, М. А. Кукарцевой, Н. Е. Копосова, и т. д., а также переводные зарубежные издания – Дж. Тоша, А. Про, П. Вэна, А. Мэггила и т. д., к этому можно прибавить и постоянно выходящие профессиональные сборники статей, журналы, посвященные обсуждению теоретических и методологических проблем в современной исторической науке («Диалог со временем» и др.).

ственно российского опыта институализации историко-научных школ, течений и направлений (Репина 2011).

Авторский коллектив, подготовивший выход учебника для бакалавров-историков высшей школы, включает известных и признанных в отечественной и зарубежной науке специалистов, которым наряду с сугубо специальными историческими исследованиями принадлежат также и многочисленные самостоятельные теоретико-методологические работы, вызывающие неизменный интерес в среде профессионального сообщества². Одно перечисление имен ведущих российских ученых, принявших участие в данном издании, и названия соответствующих глав показывают, что перед нами в высшей степени актуальный историографический труд. Учебная книга, в которой авторская рефлексия и высокий профессиональный уровень обобщений сочетаются с предельной четкостью и последовательным изложением представляемого материала. Во многом учебник – это и результат подведения итогов достаточно долгого периода дискуссий и концептуальных поисков российской наукой своего собственного «лица», а также вполне апробированный и реализуемый на сегодняшний день в отечественной и мировой науке вариант обновленного применения теоретического и методологического инструментария к осмыслению актуального прошлого социально-исторической действительности. Дополнительным преимуществом данного издания, безусловно, является и то, что, как отмечается во Введении, представленный текст рассчитан на изначально доступное усвоение студентами-историками основных проблемных блоков по курсу «Теория и методология истории» в соответствии с существующим образовательным стандартом последнего поколения (с. 5).

В определении современных границ «территории историка» авторы старались отгородить себя от традиционных вопросов «эпистемологии исторического знания», поскольку «особенности исторического познания или понятие исторического факта» напрямую связаны с дисциплинарными основаниями «философии истории» (с. 6). Для авторов данный подход изначально неприемлем,

² Обширная и подробная библиография трудов авторов приведена в конце учебника.

поскольку на уровне конкретно-исторической практики он зачастую приводит лишь к подтверждению различных философских доктрин и следованию версиям различных научно-идеологических схем. Коллективом ученых ставится принципиально иная задача: прежде всего «сосредоточиться на собственно исторических вопросах и теориях применения конкретных методов в историческом исследовании» (Репина 2011), которые вместе составляют неотъемлемую основу исторической профессии. То, что считается основополагающим и укорененным в специфике и практике исторического исследования должно быть выстроено на материале концептуального «ядра» исследовательских программ и быть свободным от эпистемологических трудностей и неразрешенных парадоксов в исторической теории и методологии. Во многом такая установка не перегружать учебник многообразием философско-исторического материала несет в себе именно инструментальный и квалификационный характер изложения в соответствующих разделах книги, и направлена на приобретение студентами имеющихся знаний в соответствующей области историко-научных исследований.

Ограничение проблемного поля учебного издания – «За пределами нашего рассмотрения оказались <...> социальная история, макроистория, постмодернизм, постколониализм и др.» (с. 7) – обусловлено также спецификой двухуровневого исторического образования («данные вопросы было бы уместно рассматривать <...> в курсах для магистрантов» [Там же]). В этом смысле исходный *институциональный* характер развития актуального исторического знания и лежит в основе заявленных основных разделов и глав рассматриваемого учебника, рассчитанных на понимание и освоение базовых концепций, теорий и методов, необходимых начинающему историку в его практической научной деятельности.

Непосредственное знакомство с тематикой предлагаемого содержания книги сразу же избавляет от наивных иллюзий в представлении о современном историке и историческом знании как сугубо беспроblemном «собрании древностей» и нарративном способе освоения различных остатков, следов и свидетельств прошлого. Именно проблемно-тематический характер представленного материала отчетливо показывает, что историческая профессия се-

годня уже не замыкается в узкопозитивистских рамках собственной экспертной культуры постижения прошлого «чистыми» историками. Современная история рефлексирует свой предмет и метод в достаточно широком *междисциплинарном* контексте производства инноваций и технологий изучения прошлого социально-исторической действительности (с. 248), принадлежащем целому комплексу смежных социальных и гуманитарных дисциплин.

Общая композиция учебника состоит из четырех тематических блоков, в которых авторы раскрывают суть имеющихся теоретико-методологических представлений в современном социально-гуманитарном знании. В их числе: вопросы теории и влияния базовых факторов на развитие исторического процесса (первые две части, включающие 13 глав учебника, с. 9–262); подробное историографическое изложение новых направлений в практике исторических исследований, которые авторы считают на сегодняшний день вполне состоявшимися и достаточно инновационными (ч. 3, гл. 14–17, с. 263–355); наконец, собственно критическому анализу применения основных методов исторического исследования и складывающимся перспективам движения исторического знания в ближайшем «горизонте ожиданий» посвящена последняя часть и составляющие ее заключительные главы (ч. 4, гл. 18–23, с. 356–459). Подчеркнем еще раз: несмотря на то, что каждый из авторов отдельных глав учебника имеет опубликованные монографические исследования на соответствующую тему, системно и подробно разрабатывал исходную проблематику в ряде научных статей и исследовательских сборников, нужно особо отметить при этом общую целостность замысла представленного коллективного труда, наличие в нем внутренних перекрестных отсылок, которые придают, казалось бы, дискретному насыщенному повествованию черты единого концептуально и логически выстроенного целого.

В определенном смысле отмеченное единство и согласованность текста учебника выражается в четкой актуализации специализированного теоретико-методологического научного «гранд-нарратива», который авторы последовательно выстраивают на протяжении всего содержания предлагаемого текста. Суть авторских интенций можно было бы в общем обозначить как продуктивное

для исторической науки разрешение известных трудностей, связанных с так называемой проблемой аккультурации макросоциологических моделей в современной историографии (с. 183) (Копосов 2001: 79). Данная позиция наиболее отчетливо обозначается в тех главах, которые написаны д. ф. н. Н. С. Розовым (гл. 8, 18, 20) и доктором философии (Ph. D.) П. В. Турчиным (гл. 23), имплицитно и в контексте собственных сюжетов она также выступает в текстах чл.-корр. РАН, д. и. н. Н. Н. Крадина (гл. 7), д. и. н. А. В. Коротаева (гл. 4, 7, 10), д. и. н. С. А. Нефедова (гл. 10), д. и. н. Л. И. Бородкина (гл. 22), д. и. н. Е. В. Алексеевой (гл. 12).

В самом общем виде под методологией авторы понимают «совокупность принципов и способов организации и построения научного исследования» (с. 5; см. также с. 386), и в тексте проспективно показывается специфика изменения и развития методологической рефлексии в зависимости от эффективности протекания процессов институционализации исторической науки в различные эпохи и периоды вплоть до современности (гл. 1–2, 18). Представления ученых о *теории (истории)* и возможных дальнейших перспективах развития самих *теоретических обобщений в (исторической) науке* формулируются преимущественно в 8-й, 20-й и заключительной 23-й главах. В понимании научной теории авторы исходят из «канонического» и «аксиоматического» риккертского определения, что она *«есть дедуктивно организованная совокупность суждений в замкнутом понятийном аппарате»* (с. 374). В соответствии с этим авторы анализируют возможность применения данных научных требований к сложившейся практике получения надежного теоретического и эмпирического обоснования исторического знания в современной историографии.

«Если многие эмпирические факты и события могут считаться непреложными и, как правило, неоспоримыми, – пишет Н. С. Розов, – то в интерпретациях относительно исторических явлений и социальных процессов нет даже намеков на достижение общего согласия» (с. 358). По сути, это и составляет центральную проблему и является важнейшим интеллектуальным конфликтом в теории и методологии социального и исторического познания (Там же). П. В. Турчин уточняет, что «история, конечно, состоялась как опи-

сательная наука, и источниковедение – не менее трудный и технический предмет, чем, скажем, материаловедение...», но «если объективных законов нет, то успех исторического труда определяется в большей степени литературным талантом автора, чем его аналитическими способностями или его научным авторитетом» (с. 447). В этом смысле авторы учебника последовательно и конструктивно отстаивают позицию признания особого эпистемологического статуса у современной исторической науки и наличия в ее арсенале возможностей применения к сложившейся дисциплинарно фрагментированной картине исторического знания надежных теоретических и методологических оптик.

Поэтому предлагаемая в учебнике *современная* теория и методология истории (*историческая макросоциология* [с. 409]) опирается на достаточно четкие научные основания (в основном это поиск «охватывающих законов» и различные исследовательские процедуры моделирования истории, верифицированные с опорой на соответствующую эмпирику). Глава 8 «Макросоциологические теории последней трети XX – начала XXI в.» (Н. С. Розов) по сути является обобщением предыдущих размышлений авторов глав первой части учебника «Теории исторического процесса»: «Историческая макросоциология, – пишет философ, – междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций.

По объему предметного поля историческая макросоциология... практически совпадает со всеобщей (мировой) историей, но использует в большей мере подходы и методические средства *теоретической истории* как построения и проверки относительно строгих объяснительных теорий исторических явлений» (с. 167). Данная глава Н. С. Розова в определенном смысле также анонсирует и задает научно-теоретический уровень тематизации последующих глав изложения материала учебника, поскольку «познавательные методы и средства макросоциология заимствует из обширного

спектра социальных наук: социологии, политологии (особенно сравнительной), геополитики, кросс-культурных исследований, экономической истории, этнологии, исторической демографии и т. д.» (Там же).

Так, в первой части книги, рассматривая существующие теории исторического процесса, ученые сосредотачивают свое внимание на зарождении и становлении в рамках философских и историософских концепций идеи всемирной универсальной истории (Л. Е. Гринин, с. 15, 20, 37, 40), которая, вооружившись в новое время принципом историзма (с. 44) и обретя критические основания для метода своего познания, формирует историографическую практику «осмысления прошлого, современности и вероятного будущего» в поиске корней всех явлений в прошлом (с. 44). Торжество марксистской теории, претендующей уже на универсальное объяснение исторического процесса, «всемогущество и познаваемость закономерностей» всех происходящих социально-политических и экономических процессов анализируется Л. Б. Алаевым с позиции когерентности и целостности представленной концепции разработанному эмпирическому материалу (неопределенность представления о первобытном строе, формулировка «азиатский способ производства» [с. 67–69]) и продуктивности использования достижений данного теоретического направления (вопрос о структуре каждой из формаций [с. 65], учение о классах и классовой борьбе [с. 57], вопрос о субъекте [с. 65] и двигателе исторического процесса в истории [с. 72]) сейчас. Общее замечание о том, что марксизм до сих пор сохраняет «привлекательность для специалистов во всех отраслях гуманитарного знания», но в нем отсутствует рассмотрение «вопросов эволюции современного государства» (с. 88), подхватывается в следующей главе «Неоэволюционизм» (А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин). В ней продолжается теоретико-методологический и эмпирический процесс «накопления положительных знаний» (с. 375) и закрывается образовавшаяся с анализом марксизма «брешь» в вопросе «изучения эволюции архаических и ранних государственных обществ» («достижением неоэволюционизма следует считать теорию вождества» [с. 103]), излагается также самая популярная схема социально-политической макроэволюции американского антрополога Элмана Сервиса (с. 97).

В определенной степени преодолению и трансформации *европоцентризма* посвящены главы, в которых рассматривается эволюция теорий цивилизации (И. Н. Ионов) и модернизации (И. В. Побережников), а также возникновение и эвристичность мир-системного анализа (А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин). Констатируется, с одной стороны, «возникновение европоцентристской теории цивилизаций в конце XVIII – XIX в. и теории модернизации в эпоху холодной войны» (с. 108). Говорится, в частности, что «классическая модернизационная перспектива ориентировалась на опыт западной “атлантической” цивилизации и слабо учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки» (с. 138) и т. д. С другой стороны, отмечается, что в современной форме «теория цивилизаций представляет собой метод сравнительно-исторического изучения обществ, основанный не на их противопоставлении, а на их *различении* по ряду факторов и с использованием различных исследовательских перспектив», что входит «в арсенал глобальной, интернациональной и транснациональной истории» (с. 107, 130) при особой важности «соотношения глобального и локального» (с. 119–120). Относительно современных модернизационных теорий делается вывод, что они представляют сейчас «единую междисциплинарную компаративную перспективу» (с. 135), в которой исследователи находят «различные национально-страновые последовательности решения <...> задач

и вариантов соотношения традиционализма и инновационизма» (с. 147), получивших свое концептуальное осмысление именно в рамках этого направления исследований (понятия «традиционное» и «индустриальное» общество, «структурно-функциональная дифференциация», «индустриализация», «демократизация», «рационализация», «профессионализация», «стадии роста» и т. д.) (с. 152).

Далее в главе «Мир-системный анализ» авторы выводят читателя на произошедшую через работы Ф. Броделя и И. Валлерстайна смену в рассмотрении «главной единицы» исторического процесса: на первый план выходит не разноаспектная эволюция «национального государства», но развитие и функционирование

определенной социальной системы (с. 154), исследуемой в построении «моделей циклических ритмов и вековых трендов» капиталистической мир-системы (с. 157). В мир-системном анализе по сути уже открывается призыв к междисциплинарному синтезу (с. 153) различных социальных наук и формированию новой отрасли знаний, в которых различные факторы – природные, демографические, производственно-технологические и проч. (ч. 2, гл. 9–13), влияющие на развитие исторического процесса, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены и создают предпосылку для апробации и экспликации результатов этого междисциплинарного взаимодействия на уровне макросоциологических моделей (гл. 8). «В настоящее время, – пишут А. В. Коротаев и Н. Н. Крадин, – мир-системный подход является наиболее перспективной методологией для описания крупномасштабных исторических процессов» и «имеет все перспективы использовать строгий аппарат точных наук для построения математических моделей систем разного уровня – от мини-систем до глобальной Мир-Системы» (с. 164).

В исследования «макроконтекста» появлений, трансформаций и возможностей изменения социальных систем органически вписываются и сугубо исторические «тотальности» (в духе школы «Анналов»), которые представлены в учебнике «новыми направлениями» в практиках исторических исследований: историческая антропология (П. Ю. Уваров, Н. В. Трубникова, гл. 14.); гендерная история, история повседневностей и микроистория (Н. Л. Пушкирева, гл. 15, 16), устная история (И. Б. Орлов), клиометрика (Л. И. Бородкин).

Идущее от Виндельбанда предубеждение о том, что историческая наука изучает и описывает абсолютно уникальные и неповторимые явления, которые не поддаются процедуре теоретических объяснений, поскольку имеют «отношение к ценности» и не обладают интерсубъективностью обобщений (с. 370) – в значительной степени преодолевается на страницах учебника, когда разбираются вопросы оснований современной методологии социального и исторического познания (гл. 18). Эпистемологический релятивизм (хотя авторы и не употребляют данного словосочетания) в социогуманитарных науках одинаково неприемлем, считают ученые, в новых

условиях теоретических и методологических поисков с последней трети XX и тем более в начале XXI в. На страницах учебника констатируется, что сегодня в значительной мере «иначе обстоят дела с бурным развитием “casestudies” <...>, детальными, насыщенными описаниями разнообразных исторических явлений и процессов», потому что, как правило, данное направление, «уже не противопоставляется учету и поиску общих паттернов и закономерностей»

(с. 364). Обновленной основой для развития перспективной теории и методологии социальных и исторических наук в современных условиях выступает накопленный опыт науки, который авторы обозначают понятием «логический эмпиризм» (объединение идей К. Поппера, К. Гемпеля, И. Лакатоса) (с. 364) в сочетании со знанием наиболее ярких макросоциологических исследований Р. Карнейро, Т. Скочпол, Р. Коллинза и др. (с. 171–181, 413). Результатом овладения и использования навыков предлагаемого теоретического анализа исторических процессов на упомянутых выше основаниях является понимание того, что «абсолютно уникальные явления» оказываются включенными в те или иные ряды *однотипных явлений*, пригодных для систематических исторических сравнений, которые выявляются как социальные и исторические закономерности в процессе построения ученым тех или иных познавательных моделей (с. 370–372).

В результате перспективной вероятностного развития *современной* теории и методологии объяснения социальных и исторических явлений оказывается в учебнике особый «номологический синтез» наиболее значимых направлений в социально-историческом познании, который обозначается в тексте как новый образ теоретической истории – «клиодинамика». П. В. Турчин как один из ведущих и глубоких разработчиков данного складывающегося направления (Турчин 2011: 173–186) констатирует, что «клиодинамика – новая междисциплинарная область исследований, объединяющая подходы исторической макросоциологии, теоретической истории, математического моделирования долговременных социальных процессов, построения и использования исторических баз данных, исследований социальной эволюции, исторической демографии и др. За-

дачей клиодинамики должен стать поиск объединяющих теорий и проверка их на основе разнообразных массивов данных – исторических, археологических и прочих, вплоть до нумизматических» (с. 458).

Поле применения теоретико-методологической рефлексии авторов учебника таким образом можно в целом обозначить термином «макросоциологическая клиодинамика» – это особая область исследований, в основе которой лежит принцип *междисциплинарности*: «кумулятивная» наука «*корректных и осмысленных научных утверждений*» из различных технических, естественных, социальных и гуманитарных дисциплин, «за бортом» которой остаются все остальные псевдонаучные жанры познания («философия, литературная критика, эссеистика и прочее») (с. 356). Последнее связано с тем, что авторы не рассматривают постмодернизм как «нормальный» в куновском смысле период развития научного знания и не уделяют ему особого места в ткани своего повествования, хотя иногда упоминают о нем как о противоположности смыслов собственных утверждений. В данном аспекте антисциентистский скепсис постмодернистского мышления авторы (с. 92, 123, 130, 304, 336, 403, 451) считают определенной формой алармизма в науке, которая связана преимущественно с линией «идиографии» и в научном отношении является бесплодной и тупиковой, как и другие многочисленные движения «пост-»³ (с. 363).

В силу данных обстоятельств, не в пример существующей и во многих случаях торжествующей в исторических исследованиях «описательности», авторы учебника противопоставляют и подробно обосновывают свое видение применения аналитических процедур изучения социально-исторической действительности. Представлено оно уже как «новая волна номотетики в социальных и исторических науках... но уже без наивных амбиций 1960-х гг., а со зрелой рефлексией относительно трудностей и ограничений выяв-

³ Исключение в учебнике составляет позиция автора главы 17 «Устная история», доктора исторических наук И. Б. Орлова, который в духе Ж.-Ф. Лиотара говорит о постмодерне как о позитивной программе, нацеленной вследствие разочарования в глобальных историко-теоретических построениях на участие «интерпретирующего разума» и диалог с познаваемым субъектом (с. 336).

ления закономерностей в этой сфере, с повышенным вниманием к накапливающейся базе качественных и количественных исторических данных» (с. 364). Главы, касающиеся возможностей использования кросс-культурных методов (А. В. Коротаев, гл. 21), и арсенала «одного из ключевых направлений исследований по экономической истории, основанного на активном использовании экономической теории и количественных (математико-статистических) методов и моделей» (с. 432) – клиометрики (Л. И. Бородкин, гл. 22), призваны решительным образом снять кажущуюся невозможность совмещения качественных и количественных выборок эмпирических данных, составляющих «кумулятивную базу» для получения строго верифицированных теоретико-эмпирических заключений. В подтверждение сказанного следует привести замечание Л. И. Бородкина, который ставит в известность современных гуманитариев о том, что «математика уже несколько десятилетий развивается в русле изучения *качественных структур* (выделено мной. – Д. Л.)» (с. 445).

Таким образом, в учебнике на фоне современного кризиса так называемой «*традиционной*» историографии (с. 448) представлена динамически системная теория и методология исторической науки, которая не только не отказывается от поиска законов и закономерностей в понимании причин и внутренних механизмов развития исторических явлений и процессов, но и более того – актуализирует постижение исторического в почти «протокольных предложениях» математического моделирования и обозначает четкие правила (с. 456–458) «синтаксиса» построения любой конкретно-эмпирической системы (с. 455) научно-исторического знания, обладающе-го к тому же и прогностической функцией (с. 458).

Поэтому представленный к рецензии учебник обладает, на наш взгляд, теми признаками научной новизны и историографической определенности, которые в заключении необходимо особо подчеркнуть.

Во-первых, в учебнике представлена целостная и системная картина эвристического и актуального междисциплинарного взгляда на состояние теории и методологии исторического знания сегодня; во-вторых, дано обоснование открытости и определенно-

сти возможностей интеллектуального моделирования как прошлого, настоящего, так и будущего социально-исторической действительности, а не вариант «бегства от реальности» (Й. Шапиро) в нынешних условиях развития социально-гуманитарного познания; в-третьих, конкретизирована перспектива приращения инновационных смыслов и стратегий «постижения истории» на четких и логически выверенных теоретических и методологических принципах и основаниях, а не умножение очередных интерпретаций и перечисление очередных «новых фактов»; в-четвертых, по-новому актуализирована первостепенная задача историзации современности (с. 29), открытой на «будущее нашего прошлого», которое, как представляется, получает дополнительный шанс избавиться от вечно будирующих сомнений в научности/ненаучности его изучения и бесперспективности получения значимых обобщающих результатов.

Однако наиболее важным итогом появления и публикации учебника «Теория и методология истории» является то, что за последние несколько лет в российской науке мы видим конечный результат формирования и институционализации нового «междисциплинарного сообщества ученых» (с. 458), объединяющего в себе представителей различных социальных наук и гуманитарных направлений, которые, достигнув определенного когнитивного согласия в отношении актуальных положений научно-исторического знания, выпустили в свет данную коллективную научную монографию.

Литература

Копосов, Н. Е. 2001. *Как думают историки*. М.

Репина, Л. П. 2011. *Современная историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.

Турчин, П. В. 2011. Клиодинамика: новая теоретическая и математическая история. *Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 2. С. 173–186.